

РЕЦЕПЦИЯ И ПОЭТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ (Европейская методология 1-ой половины 20 века)

Кvětуше Лепилова

«Искусство живо восприятием».

Б. М. Эйхенбаум

Промывание, сплетение и взаимовлияние мышления естественно. Известно, что исследование какого-либо явления всегда начинается со сравнения и объяснения категорий сравнения. Рассматривая культуры Запада и Востока, исследователи приходили всегда прежде всего к выявлению специфического, к противопоставлению. Итак, мало подчеркивается или даже игнорируется факт, что в научном мире 20 века, а именно в конце столетия, благодаря современным технологиям наука готова делиться опытом и ценностями намного быстрее. Под влиянием мультимедий может меняться также познание поэтики художественной литературы ее адресатом, читателем, слушателем, зрителем (реципиентом).

Предметом статьи являются сходства и контексты теоретико-методологического мышления (в пространстве Центральной Европы) 1-ой половины 20 века о роли адресата (так как потенциальный читатель является уже знаком читателя в тексте) и функции рецепции в истории и теории художественной литературы. В этом деле немалую роль сыграл обмен литературоведческим, теоретико-методологическим мышлением. Обмену взглядов на рецепцию художественной литературы значительно помогли философы, филологи и литературоведы немецкие, чешские, польские и русские, не раз родившиеся, жившие (и часто встречавшиеся) в Германии или Чехии (Болзано, Гуссерл, Ингарден, Мукаржовский, Якобсон и др.). Итак, мыслительные течения пересекались не только во Вене, Санкт-Петербурге, Варшаве, Берлине, но и в Праге и в новом университете, возникшем в 1919 г. в г. Брно. Хотя уже 1924 г. Выдающийся чешский литературовед Франтишек Ксавер Шальда (F. X. Šalda, 1867 – 1937) осознавал, что представление о Чехии как о перекрестке духовных и художественных влияний между Западом и Востоком может быть раскритиковано как культурный эклектицизм и безжизненный, пассивный космо-

политизм¹, однако именно контакты, способствующие промыванию мышления в Центральной Европе, способствовали развитию филологической, лингвистической и литературоведческой философии и методологии.

1. Первая треть 20 века (феноменология, эстетика)

На рубеже 19 - 20 веков в чешской среде шла борьба за культурную ориентацию: углублялись соотношения с немецким философским и эстетическим мышлением, но с другой стороны поиск соотношений со славянскими странами дал повод столкновению часто противоположных тенденций и концепций. Современный брненский литературовед И. Поспишил считал с победой модернизма и прагматизма, например, творчество чешского писателя Карла Чапека составной частью движения культуры в Центральной Европе (где проявилось взаимное напряжение мышления между Востоком и Западом).² Русскую поэзию 20-х годов в Прагу привез русский филолог (читающий лекции в 30-е годы в брненском университете) Роман Якобсон, но по мнению Т. Виннера в начале чешского структурализма и семиотики стоит не только русский формализм, но и чешская эстетика: О. Zich, J. Durdík, E. Hostinský.³ Противником в Европе владеющего психологизма был основатель феноменологической школы, немецкий философ (родившийся в моравском городке Простейов) Эдмунд Гуссерль⁴ (Edmund Husserl, 1859 – 1938), который

¹ Kritické projevy 13, Praha 1936, 18 - 28.

² См. „Stará“ a „nová“ komparatistika: Pragmatismus a ruský maximalismus u Karla Čapka. Opera Slavica 1993. 1, 16 - 24.

³ По данным И. Поспишила, напр., Thomas G. Winner (1917), почетный доктор Университета им. Масарика в Брно (1995), сообщил, что структурализм и семиотика коренятся не только в русском формализме, но и в чешском литературоведении, в Праге и Брно как центрах литературоведческого мышления. См. O strukturalismu, Československu a Americe s Thomasem G. Winnerem. Tvar 1996, 4, s. 9 (I. Pospíšil): „...strukturalismus i sémiotika mají kořeny nejen v ruském formalismu...ale také z české půdy...ruský formalismus a futurismus, totiž ruské básnictví dvacátých let, které s sebou do Prahy přivezl Roman Jakobson. Praha a Brno jako středoprostor literárněvědného myšlení ...Určitě na počátku českého jazykovědného, uměnovědného a literárněvědného strukturalismu a sémiotiky stojí nejenom ruský formalismus, ale také Zich, Durdík a Hostinský. O těch kořenech českého formismu psal ovšem i sám Mukařovský, ale přece jsou jen málo známy...“ Больше см. также Pospíšil, I. – Zelenka, M.: René Wellek a Československo. Brno 1996.

⁴ Э. Гуссерль значительно повлиял на философское мышление 20 века. В кн. Logische Untersuchungen, (1900, 1901) Гуссерль критикует психологизм и релятивизм. Больше о философии Гуссерля см. Patočka, J.: Úvod do Husserlovy fenomenologie (Filosofický časopis 1965, č. 5 a 6 a 1966, č. 1) и „Krise evropských věd a transcendentální fenomenologie. Úvod do feno-

опирался на мысли Канта, Brentano и Болзано (**B. Bolzano, 1781 – 1848**, родившийся и живший в Праге, различал акт мышления и содержание мышления). Как профессор (Halle, Göttingen, Freiburg) Гуссерл представил программу науки, которая главным методическим инструментом считает первоначальное, оригинальное мнение, и он стремился образовать априорную, не зависящую от психологии логику, предметом которой является область «идеального существования», т. е. область значений, которые подобно значениям в математике имеют абсолютное, сверхвременное действие. Гуссерл был убежден, что правда идентически единственная: правдиво то, что правдиво само по себе (теорема Болзано). Обсуждая правдиво, мы правду не образуем, а только понимаем. (Эта философия, видимо, применима для структурализма, но не применима для других литературных течений). Основной характер познания – интенциональность, целенамеренность (теорема Франца Brentano: **F. Brentano, 1838 – 1917**, австрийский основатель дескриптивной психологии). К этим двум философам Гуссерл добавил категорию, которую схоластики называли сущность (у него – *Wesen, Wesenheit, eidos, idea*): например, дерево делает вечным – дерево, это сверхвременный смысл дерева, это правда дерева, которая лежит вне времени и пространства. Итак, по мнению Гуссерла, правда – это то, что можно мыслить вне реальности. Личность Гуссерла повлияла на философское мышление 20 века. Его последняя, незавершенная, но по значению самая крупная книга «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» возникла на основе трех лекций, прочитанных во Вене и Праге. На феноменологию Гуссерла опирался его ученик, польский философ и эстетик – Роман Ингарден (см. ниже),

menologické filozofie“, Praha 1996. Гуссерл различает *существование и бытие* (единственное существо, которое знает о своем бытии – это человек: существование было бы даже без человека). В своем существовании мир абсолютен, в своем смысле относительный. Смысл существования зависит от человека, поэтому человек – создатель мира. Мир без смысла был бы не миром, а хаотическим существованием. Человек зависит от мира своим существованием, знать о нем – это значит – существовать. Он не живет вполне в настоящем, а обращает свое внимание на будущее, он ищет в истории и в традиции то, на что опираться и поддерживает таким образом сознание актуальности, злободневности. Нет пространства мимо того, в котором мы живем, познание – это не пассивный прием знаний, но творческий акт, это образование смысла. В Чехии творчество этого философа в своей докторской диссертации представил чешский философ, эстетик и теоретик Зденек Матгаузер (*Zdeněk Mathauser, 1920*), знаток философии Гуссерла, эстетик, семиотик, занимающийся антиципацией в художественном произведении, поэтикой текста (*Co vidíme uměleckými texty? Nitra 1995*) и др.

интересовавшийся не только сущностью художественного произведения, но и его познанием в сочетании «часть – целое».

2. 20-ые гг. (М. Бахтин и формальная школа)

Понятия «текст» и «произведение» ближе не определяют русские формалисты: произведение приобретает значение только тогда, если изменится система литературы и больше всего – сознание реципиентов. С методологией русской формальной школы методологию М. Бахтина (1895 - 1975) столкнул его «Формальный метод в литературоведении» (1928). Бахтин считал артефакт эстетическим объектом и суммой эстетических отношений, не только суммой изменяющихся приемов. По Бахтину правильное понимание текстов («эстетическая реализация») не осуществляется в т. н. герменевтическом круге (закрытии) или благодаря т. н. идеальной коммуникации, но в процессе осознания диалогического сосуществования произведения и интерпретатора⁵. Бахтин считает диалогическим само слово и правда поэтому возникает на грани высказывания и реплики: условием развития человеческой культуры является не произведение, а диалог, который ведется о произведении в обществе. Значение эстетического анализа потом состоит в понимании единства артефакта и эстетического объекта (разницу в понимании этих категорий в 30-ы годы также определил чешский литературовед Й. Мукаржовский, см. ниже).

Бахтин в Одесском университете учился немецкую философию и эстетику (в 1927 г. издал кн. *Sein und Zeit* М. Heidegger) и он ставил коренные для современной структурной нарратологии проблемы, что и придает актуальность его авторским текстам. Одним из первых взамен статического членения текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не только существует, но вырабатывается по отношению к другой структуре. Такая динамизация структурализма возможна лишь на основе концепции, в которой слово - это место пересечения текстовых плоскостей, диалог различных видов письма, т. е. 1) писателя как получателя и 2) письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом. Статусом слова как минимальной структурной еди-

⁵ Также см. «Всякое понимание диалогично...оно имеет к высказыванию то же отношение как в диалоге одна реплика к другой». (Иванов, В. В.: Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики. Труды по знаковым системам (6), Тарту 1973, с. 17).

ницы Бахтин включает текст в жизнь истории и общества, в свою очередь, рассматриваемых в качестве текстов, которые писатель читает, и переписывая их, к ним подключается (так диахрония трансформируется в синхронию). В чешской среде (хотя он редко упоминается) Бахтин во многом опередил дальнейшее развитие методологии концепции литературо-коммуникативной, культурологической и др.

3. 30-ые гг. (Р. Ингарден и Й. Мукаржовски)

Психологизм с ориентацией на личность автора и его произведение как выражение эстетического переживания в конце концов сблизился с формализмом, с его стремлением создать адекватную категориальную систему для определения «литературного» в исследуемом эстетическом объекте. В 1913 - 1932 вокруг Гуссерла образуется феноменологическая школа. Исходным пунктом анализа текста является целое произведение, которое в 30-е годы представил ученик Гуссерла, польский философ, эстетик и литературный теоретик Роман Ингарден (**Roman Ingarden, 1893 – 1970**) в книге *Das literarische Kunstwerk* (1931, изд. в Германии), которая не нашла отклик в Польше; на фоне все время существующих течений позитивистско-натуралистической обсервации. Автор книги остался одиноким. На Западе, наоборот, по сравнению с двадцатыми годами, произведение нашло для опубликования благоприятную атмосферу. В книге «*O poznawaniu dzieła literackiego*» (1937, польское издание 1957, чешское 1967) Ингарден показывает не только результаты рецепции произведения, но и путь к ним. В литературном произведении Ингарден раскрыл четыре основных слоя (звуковой вид слов и предложений, семантические целостности, наглядное изображение предметного и изображающие аспекты) и пришел к выводу о гетерономном модусе его существования как целого. Это его привело к обширным онтологическим исследованиям, в которых Ингарден учитывал формальный, материальный и экзистенциальный аспекты.⁶ Знакомству с Пражским лингвистическим

⁶ С послесловием чешского философа Яна Паточки (1907 - 1977), по которому Ингарден в 1967 г. был бесспорно самый великий живущий славянский философ. („nespomě největší žijící slovanský filosof“ – в кн. „O poznávání literárního díla“. Praha 1967, с. 276). Возвращение к Ингардену у нас в 1977 г. вполне естественно: *Lepilová, K.*: *Literární konkretizace a čtenářská aktivita. Problémy cizojazyčné komunikace na střední škole*. Автореферат кандидатской диссертации. Olomouc 1977. «Читательская конкретизация» (доклад на симпозиуме Университета им. М. Skłodovské-Curie, в польском Лублине, апрель 1977 г., см. *Лепилова, К.*: Читательская конкретизация художественного текста. Сборник конференции, Лублин 1977. Об Ингардене также: *Lepilová, K.*: *Konkretizace*

кружком (не только на Западе) мешал чешский язык, хотя приблизительно в те же годы как и Ингарден чешский профессор Карлова университета Ян Мукаржовски (**Jan Mukařovský, 1891 – 1975**) в способе существования литературного произведения различает два состояния: текст, созданный автором (артефакт) и произведение, конкретизированное в рецепции (эстетический объект). Художественный текст в процессе рецепции сопоставляется с системой норм времени, которая свойственна коллективному сознанию. На этом фоне произведение как семиотический факт приобретает свой смысл и значение. Научным предметом является художественный текст как произведение в своей потенции, как структура его возможных значений: задача герменевтики установить в произведении целостный смысл и только так на самом деле реализовать и завершить его – это задание переносится на читателя. Произведение как семиотический факт приобретает свое значение только в рамках этой обязательной системы норм и на ее фоне.⁷ В анализе творчества Мукаржовского бывший студент Карлова университета в Праге и позже американский профессор славистики, говорящий на русском языке Рене Веллек (**Rene Wellek, 1903 – 1995**), находит аналогии с русским формализмом, т. е. сочетание с поэтической практикой (футуристы в России, поэтисты и сюрреалисты в Чехословакии). Сам он признает влияние русской формальной школы в своем методологическом развитии, но основу теории Мукаржовского Р. Веллек видит не в русском формализме, а в лингвистике и феноменологии, т. е. у Гуссерля (который в Пражском лингвистическом кружке читал лекцию о феноменологии языка) и у Романа Ингардена. Развитие польской и чехословацкой науки Р. Веллек считает столкновением русской формальной школы и немецкой феноменологии.⁸

⁷ uměleckého textu a čtenářská aktivita. Olomouc 1981. – *Lepilová, K.*: O poznávání literárního díla. R. Ingarden. Universitas Ostraviensis. Acta facultatis philosophicae. Litterarum studia. Ostrava 1997 (в печати). – О т.н. внутреннем диалоге между автором и адресатом см. в ряде статей, в последнее время, напр., *Lepilová, K.*: Tzv. vnitřní dialog adresát – autor a čtenářská konkretizace uměleckého textu. Universitas Ostraviensis. Acta facultatis philosophicae. Litterarum studia. Ostrava 1995, 71 - 76 и др.

⁷ *Mukařovský, J.*: Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty. Praha 1936. Также: *Mukařovský, J.*: Studie z estetiky, Praha 1966 и др.

⁸ Гадамер – один из основателей школы. Почетный доктор Карлова университета в Праге (10 апреля 1997 г. в течение конференции «Феноменология как философская проблема» – в честь чешского философа Яна Патоцки).

4. Герменевтика

Герменевтика (от греч. *hermeneutiké, hermeneuein* – объяснять, излагать, толковать) – это один из философских методов, понимающих познание как специфически открытое рефлектованное понимание: в отличие от методов, которые предпочитают объяснение и описание, это наука об интерпретации. Ученик Гуссерля и представитель экзистенциализма Мартин Гейдеггер (**M. Heidegger, 1889 – 1976**, написавший 1927 книгу *Sein und Zeit*) считал герменевтику основным методом феноменологии, помогающей интерпретировать. (Трудный стиль этого исследователя мешал большей известности его прагматизма среди публики, хотя во Франции его прославил литературная школа Сартра (*Jean-Paul Sartre, 1905 – 1980*, заменивший мысль Гейдеггера «сущность бытия лежит в существовании» мыслью «существование опережает бытие»). Гейдеггеру подражал представитель современной философии герменевтики Ханс-Георг Гадамер (**Hans-Georg Gadamer, 1907**) особенно в книге «Правда и метод» («*Wahrheit und Methode*», 1960).⁹ Главной задачей герменевтики является стремление активно участвовать в диалоге, который текст открывает. Смысл текста – это всегда общее дело того, кто его оставил, и того, кто с ним работает. (На языке современной литературной коммуникации это обозначает отношение *автор – адресат*). Произведение связано и с условиями, в которых оно живет (уровень образования, влияние традиции и т. п.). Не существует понимание, которое было бы свободно от всех предпосылок и которое могло бы достичь «чистой» правды. Наше позна-

⁹ Герменевтическая методология хочет узнавать своеобразие объекта, актуальность понимания, приспособление интерпретатора качеству того, что должно быть изложено. Изложение входит в герменевтический круг и выходит из него, внутри круга существует понимание, требующее целостности. Отдельное можно понять только тогда, если понимается целое (его можно понимать только после понимания отдельного). Герменевтический прием не сузился на истолкование текста: содержание, любым образом понимаемое, должно трансформироваться в актуальную рецепцию для интерпретатора [об этом также *Jauss, H. R.: Zur Abgrenzung und Bestimmung einer literarischen Hermeneutik, in: Text und Applikation (Poetik und Hermeneutik, sv. 9), Mnichov 1981, 459 - 481*]. Место для этого акта в определенной мере ограничено эстетической нормой времени в коллективном общественном сознании (мысль уже Й. Мукаржовского).

В лингвистике был сторонником герменевтики Ф. де Сосюр (*Ferdinand de Saussure: Курс общей лингвистики, 1916*). Современную герменевтику как самопонимание человека в его в его историчности основал *W. Dilthey*, который характеризировал познавательную функцию в духовных науках как «понимание». Взаимосвязь смысла должна быть найдена в данном феномене, она не может быть внесена извне.

ние – это какое-то «предпонимание» (Vorverständnis), которое делает возможным только последовательный выбор точек зрения, но никогда смотр всех взаимосвязей, целое узнаваемого. Смысл интерпретированного явления – общее дело его автора и его интерпретатора (это мысль уже М. Бахтина), причем переводчик должен понимать текст лучше чем автор и перевод выше оригинального текста. (Уже Бахтин защищал субъективное понимание против объективизма чисто аналитической методики интерпретации текста). Целью критически понимаемой герменевтики было развивать концепции, которые выявляют общее изменение функции литературы в обществе и показывают, что творчество – это продукция и рецепция, т. е. два момента исторического процесса существования произведения. (Эта идея опять напоминает более позднюю концепцию литературной коммуникативности).

5. «Промывание» методологий и сознание поэтики

Эффективность методологии гуманитарных наук всегда ставилась под сомнение: предметом исследований является другая логика чем логика научная, итак в современной науке особенно методология требует исследования. Настоящее время мы воспринимаем как смену парадигматики: прошлое проблематично, проблематична рецепция, именно поэтики жанров. Классическая структура прошлых жанров произведений сейчас заменена открытой сетью интертекстовых постмодернистских структурно-системных взаимоотношений. Теоретико-методологическая дискуссия между структуральной поэтикой и герменевтикой не интересуется этой проблематикой как следует. Понятие *поэтика* в современности требует конфронтации с историей литературы. Отношение современной поэтики с историей литературы, их сближение начинается, например, уже в русской литературе 18 века (Карамзин, Пушкин). Во 2-ой половине 19-ого века культурно-историческая школа (А. Н. Пыпин) и мысль «исторической поэтики» (А. Н. Веселовский) сходны во взгляде, что история литературы – составная часть развития общественного мнения.

Веселовский дает классификацию исторической поэтики как исследование эволюции поэтического сознания и его форм уже в 1940 г.; исторические формы меняются меньше чем всегда новые содержания. Наследие Веселовского перебрала русская формальная школа и в центр исследований поставила динамику и инновационную функцию литературной формы, не определяя ближе текст и произведение. (Это сделал уже Ю. М. Лотман в структуральной поэтике на основе понятия текст: текст не иден-

тичен с произведением). Таким образом уже открывается проблематика пересечения течений и школ второй половины 20 века: немецкая рецептивная эстетика (Н. Jauss), словацкая т. н. нитранская «школа литературной коммуникации» (F. Miko, A. Popovič), тартуская семиотическая школа (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) и ряд других теоретико-методологических концепций, схожих, которых из-за обширности проблематики автору статьи следует показать в другой статье.

Литературоведение как наука развивается тогда, когда в достаточной мере ясно очерчивается объект исследования; аморфность, неопределенность затрудняет исследования. Притом оно должно видеть за сиюминутным и вечное, и актуальное: это, конечно, в конце тысячелетия в эпоху мультимедий снова ставит вопрос о рецепции и поэтическом сознании времени. Категория опыта, по своей сущности универсальная на фоне плюралистических подходов и методов, для современного литературоведения может быть полезной. По мнению эстетиков о рецепции литературы воображение читателя и его *интуицию и эмпатию* надо тревожно «выращивать». Однако сейчас стало хорошим тоном объяснять, что вкус к литературе отбивает школа, что причиной тому не только учебные программы, но и мир мультимедий, видео, виртуальной реальности, смены технологий в конце тысячелетия. Конечно, не наступает ли сейчас новая поэтика видения мира и искусства вообще (именно под влиянием ускоренного темпа жизни, изменения жизненной динамики, падения престижа духовности, недостатка знаний традиции и т. п.)? Опасны ли прогнозы, что кончается эра книжная, которая будет скоро сменена эрой аудиовизуальной, слухозрительной...? Кажется, что книжная культура (именно сохраняющая шедевры художественной литературы) необъятна и вечна. CD ROM (Compact Disk Read Only Memory) пока не применяется для рецепции художественного, но для быстрого обмена взглядами литературоведов.

* * *

Уже в 1929 г. на 1-ом съезде славянских филологов в Праге германист **О. Fischer** предостерегал перед унификацией методологии: спектр современного литературоведения обширный, его объединяет общая цель и сущность литературоведческого изучения – видеть проблемы и по их

характеру выбирать исследовательскую точку зрения.¹⁰ Р. Веллек свой прием в Пражскую лингвистическую школу обусловил не только функционально структуральной методологией, но и применением других методов. В настоящее время методология литературоведения от хаоса и поисков стремится найти выход или к интеграции герменевтики и философских течений, или к новому возвращению к традициям и корням того, что уже было найдено. На этом пути во многом интересны промывание и контакты методологического мышления, которые не раз проходили в Праге и Брно. Оказывается, что общий, совместный интерес не раз объединялся на фоне методологии: в поиске смысла существования литературы также в рецепции, в понимании и осознании поэтики.

Resumé

Reception and consciousness of literary poetics (Central European literary thinking in the 20th century)

This article turns attention to the reception and consciousness of the literary thinking as a problem of contacts between West and East in Central Europe, especially in Prague and Brno (1919, after opening the University in this town).

It is evident that the universities were places for meeting German, Polish, Slovak and Russian theoreticians and methodologists to foster thinking based on the West fenomenological theory and hermeneutic theory (Husserl, Ingarden, Wellek), East (Bachtin, Veselovskij, Russian formalists) and Central

¹⁰ О. Фишер опирался на концепцию психологической поэтики эмпатии, т. е. «вчувствования» (W. Dilthey) как переживания. В Берлине 1913 г. на 1 конгрессе для эстетики и общего искусствоведения в своем докладе он анализировал функцию художественного инстинкта (интуиции в процессе рецепции – К. Л.) в литературоведческом исследовании как вечную «борьбу творчества и критического анализа» (*Fischer, O.: Duše a slovo. Praha 1929, s. 213*).

Europe (Prague linguistic school, J. Mukařovský, Brno University) about principles „artefact – aesthetic object“ and contacts „author – reader“. This article demonstrates the next problems of reception and contexts in the Nitra school (Miko, Popovič), Tartu school (Lotman) and receptional aesthetic school (Jauss) and other literary scientists.